

Михаил Мановалов

МИНИАТЮРЫ

Я – ЛОШАДЬ

Я – лошадь. Да-да. Та самая, которая может бегать галопом по бескрайним степям, ржать во все горло, валяться на лугу, жевать, храпеть, фыркать. Которая не любит возить ничто и никого. Для которой хомут – болячка, кнут – хуже хомута, подкова – чуть ли не бесчестие.

Я терпеть не могу наездников. Они сидят на спине, бьют шпорами под бока, дергают за уздечку так, что губы сами кривятся в непонятной улыбке.

Табунщиков тоже не люблю. Тем более что они часто меняются. Пока привыкнешь скакать влево – вспотеешь, а прикажут – и вправо скачешь. И так, и так, а всё потей. Лучше уж совсем быть бесхозной.

А мне бы чистый родничок, да бархатный лужок, да чтобы солнышко бок грело, но...

Свистнут! Крикнут! Гаркнут! Под бока шпорами дадут, да еще кнутом добавят... И узде, и седлу, и подковам рада.

Ведь я – лошадь.

СОН

Более дурацкого сна мне раньше видеть не приходилось. Только заснул – бац, и очутился в Ля-Рошеле. Кругом черт-те что: вспышки, клубы дыма, над головой гремит что-то. В общем, вляпался, что называется, в самое пекло.

Смотрю, рядом со мной четыре мужика; один толстый здоровила, трое других немного помельче, но те же крепкие бугаи. Все четверо усатые, а на головах шляпы с перьями. Собственно говоря, только тут и сообразил, что это за персоны и куда я попал.

Спрашивают: «Новичок?»

Отвечаю: «Новичок».

«В курсе?»

«Кто ж, – говорю, – Дюма не читал».

Пошептались о чем-то, выдают мне шпагу, мушкет, жди, говорят, атаку. А сами сели в углу, песни поют и вино хлещут.

Ну ничего себе, думаю. Атака. Так вот ухлопают, и не проснешься, а мне завтра на работу. Но тут как началось...

И какого только страха я не натерпелся. Глаза зажмурил и айда этими железками налево-направо махать. Ну, думаю, гады, живым всё равно не дамся.

Слава Богу, скоро все кончилось. Подходят ко мне эти четверо и говорят: «Ты что же, браток, делаешь?» Глазами моргаю, соображаю – вроде не осрамился. Чего это они? Тебя же, говорят, спрашивали, в курсе или нет?

Может, отвечаю, что и не так сделал, но старался же.

«Понятное дело, что старался, колол, рубил... на войне тебе цены не было бы, но пойми, чудик, это же киносьемка. Видишь, вон, режиссера на носилках понесли...»

Приснись такой сон покойнику, и тот бы проснулся, а я так подлетел с кровати. Сижу и думаю: «Ну ничего себе...»

ДЕРЕВО

Его посадили в прохладную, пахнущую росой утреннюю землю, обильно полили водой из колодца и сказали: «Расти на радость людям». В этот же день родился ребенок. И ему сказали: «Расти на радость людям». С тех пор они росли вместе: ребенок в доме и дерево около дома.

Счастливым было их детство.

Но однажды летом полчища насекомых облепили дерево, погрызли листья, поточили кору, и – невероятно, но факт – ребенок заболел. Все старания врачей были напрасными. Малыш погибал на глазах, и только когда старый дед опрыскал дерево табаком, болезнь отступила.

Потом дед часто говорил внуку: «Береги его, в этом дереве твоя жизнь».

Но всё это было давно. Могила деда уже в который раз заросла травой, и внук забыл его слова.

Ах, времечко, времечко! Бежит потихоньку, помаленьку. А оглянись – такая даль. И уже с трудом различаешь в памяти картинку звонкого детства. Туман. Всё застилает туман. За новым поворотом жизни исчезают последние воспоминания. И только серая лента времени проползает мимо, отдаляя один конец жизни и приближая другой. Уже не узнать того Вовку, который лазил по тоненьким веточкам молодого деревца, чтобы привязать скворечник, да и не Вовка он нынче, а Владимир Иванович, глава семейства и очень занятой человек. Работа у Владимира Ивановича нервная, и жизнь нервная, и времени не хватает лишний раз в саду покопаться. Прошлой весной у него был микроинфаркт.

Поправившись, Владимир Иванович обрезал на дереве померзшие за зиму ветки и решил, что со здоровьем шутки плохи. Толкаться в автобусах сил не хватает. Пора покупать собственный автомобиль.

Вскоре новенький «Москвич» уже тархтел во дворе, распугивая скворцов и мухоловов. Ах, как был бы счастлив Владимир Иванович, если бы сердце не пошаливало.

Как-то, ремонтируя двигатель, он помыл шестеренки в ведре с соляжкой, а потом выплеснул эту грязь прямо под корень и вдруг вспомнил дедовы слова: «Береги его. В этом дереве твоя жизнь». «Ерунда, – подумал Владимир Иванович, – этого

не может быть, ведь дерево – не шагреновая кожа и не портрет какой-нибудь». А вечером ему стало плохо.

Еще мы воспитаны так, что ни в Бога, ни в черта не верим, но Владимир Иванович стал задумываться. А чем черт не шутит. Когда после школы Владимир Иванович пошел работать, а работал он плохо, ловчил, воровал, с деревом стало твориться неладное. Сначала плоды из вкусных и сочных стали превращаться в кислые, горькие, мелкие, а потом и совсем пропали. Тогда он решил, что дерево выродилось, переродилось или еще что-то в этом роде. А когда стал копить на машину, дерево стало сохнуть.

Да, не такое простое дело, как на первый взгляд кажется, – купить автомобиль. Без друзей не обойтись. А где друзья, там нужно чем-то поступиться. И Владимир Иванович, тогда он уже занимал солидный пост, не глядя, подписал акт о приеме очистных сооружений.

Каждую весну он обрезал сухие ветки на дереве, и вот уже от некогда пышной шевелюры-кроны почти ничего не осталось.

«Вот только бы выздороветь, – думал Владимир Иванович, – только бы выздороветь. Всё брошу, начну новую жизнь, буду в саду работать, в общество охраны природы запишусь. Я это дерево на руках носить буду. В этом дереве моя жизнь».

Долгая зима и частые приступы вконец измотали Владимира Ивановича, но с приходом весны здоровье пошло на поправку, и уже не так часто он вспоминал дерево и дедовы слова.

И вот однажды утром, выйдя во двор, Владимир Иванович увидел, что весь сад, буйно зазеленевший, радостно машет молоденькими веточками, и только старое дерево не подает никаких признаков жизни. Оно умерло.

«Умерло! – обрадовался Владимир Иванович. – Оно умерло, а я жив, значит, всё это дедушкины сказки, больной бред. Я живу сам по себе, независимо от какого-то дерева. Оно умерло, а я живу. И проживу, может быть, еще сто лет».

Во дворе стоял всю зиму пробывший под открытым небом «Москвич». «Это уже никуда не годится, – подумал Владимир Иванович, – столько лет на него гробил. Нужно строить гараж. Вот только немного поправлюсь, и за дело. Кирпич со стройки привезут, ворота на заводе сварят, вот только старое дерево мешает. Да и что с него толку было. Всю жизнь, сколько себя помню, это дерево мне мешало». И он пошел за топором.

«Тебе нельзя после болезни!» – сказала жена. Но Владимир Иванович успокоил ее: «Это для разминки». Размахнулся и ударил по стволу. Красные щепки разлетелись во все стороны, дерево проржавело и прогнило насквозь, и только с одной стороны ствола древесина была еще свежей.

Через пару минут Владимир Иванович сравнительно легко справился с работой. «Ну вот и всё», – сказал он, набирая полной грудью свежий воздух. И вдруг что-то больно кольнуло под лопаткой. В глазах всё поплыло, стало ослепительно ярким, и только черная ветка старого дерева отчетливо выделялась в этом звенящем белом тумане, и на ветке были видны зеленые, только что лопнувшие почки.

«Береги его, в этом дереве твоя жизнь, – пронеслось в голове, – береги его, береги его...»

И Владимир Иванович рухнул рядом со старым стволом.

Врачи установили, что смерть наступила... А впрочем, кому это нужно. Умер человек – и умер, и кому от этого легче, если будем знать, от чего. Только я иногда думаю, что если мы с вами вырубим все деревья, мы тоже помрем. Мне не хотелось бы так заканчивать свой рассказ, но что поделать.

ШАРИК

Однажды ребенок, прогуливаясь по старому парку со своим старым дедом, упустил воздушный шарик, а надо сказать, шарик этот был влюблен в бездонное синее небо. Он рванулся вверх, переполняемый счастьем, но... не заметил, как ниточкой зацепился за маленькую зеленую веточку большого дерева. Зацепился и застрял. Что ж, бывает. Но как ни старался бедняга освободиться из неожиданного плена, ничего не получалось – ниточка крепко держала его.

Время шло. Веточка привыкла к шарик, и шарик привык к веточке, но каждый раз, когда теплый летний ветерок пробежал по верхушке большого дерева, шарик снова пытался обрести свободу. Снова и снова... Ох уж эта ниточка.

Потом наступила осень. Синее небо заволокло серыми тучами, и шарик вдруг понял, что ему больше некуда лететь.

Он прижался к веточке, а веточка стала шептать ему о чем-то своем, совершенно ему непонятном. А когда на большое дерево налетали свирепые ветры, маленькая веточка мужественно закрывала собой шарик, не давая ему сорваться. Дожди сменились снегопадами, и пришла долгая зима.

Под большим снежным одеялом им было тепло вдвоем, и шарик уже казалось, что он понимает веточку и что так будет всегда.

Но весной он снова увидел прекрасное, бездонное синее небо. Он снова был влюблен. Им снова овладело неудержимое желание полета. Он рванулся вверх... Ниточка, которая так крепко держала его, подпрела за зиму и порвалась. Вот оно – счастье!

Шарик стал стремительно набирать высоту, но не выдержал – и лопнул... Падая, он увидел свою веточку, которая тянулась к нему, показывая молодые листочки, но... Она была всего лишь веточкой на большом дереве.

И он упал на грязный тротуар.

Возможно, мы бы никогда не узнали эту историю, если бы не тот самый ребенок, который упустил шарик, который был всему свидетелем и понял, что всё есть в этой жизни: и шарик, и небо, и веточка, и полет, и падение...

СОБАЧЬЯ ЛЮБОВЬ

В его собачьем понимании она была красивой сукой. Тощая, облезлая, с редкими зубами, длинной нижней челюстью и коротким хвостом, беспородная, блохастая и ужасно вонючая. Он любил ее до визга души.

Вечерами они встречались на городской помойке. Она ложилась возле мусорного бака, а он садился рядом и нежно и старательно выкусывал ей блох. А когда становилось совсем темно, они шли гулять между кучами битого стекла, отбросов и прочего хлама. Ключья бумаги устилали помойку бархатным ковром.

а кучи битого стекла, отражая свет луны, казались волшебными россыпями драгоценных камней. В этой красоте они любили друг друга, и никто из них никогда не променял бы одну такую ночь даже на место сторожевой собаки свалки мясокомбината.

Но вчера она не пришла. Не пришла и сегодня. Предчувствуя что-то недоброе, его сердце тряслось, как хвост в морозное утро. Другой кобель? Ну что вы. Он знал, он был уверен, что другого кобеля нет и быть не может. Она любила только его и была предана ему со своей собачьей верностью.

Он обыскал всю помойку. Бегал, скулил от обиды, но ничего не мог понять. Кругом только битое стекло, кучи мусора и ее запах...

И вдруг, словно хулиган бросил камень в голову, – она в земле! Вчера тут бегали собачники и ловили бездомных, а сегодня утром трактор ровнял землю.

От ужаса похолодели лапы. Нет. Нет! Не-е-ет!!! Шерсть его поднялась дыбом, а глаза наполнились слезами, и сквозь них он увидел луну, так напоминающую глаза любимой. Он завыл протяжно и страшно. Почему? За что? Ведь всё было так хорошо... Он рыл и кусал эту землю, он рычал и хрипел, задыхаясь от бесильной злобы на тех, кто лишил его радости.

Потом он побрел по битому стеклу, не разбирая дороги и не понимая куда. Лапы заплетались, а в голове была такая пустота, что каждый шаг отдавался в ней ударом большого барабана. Поднявшись на бугор, он остановился между двумя длинными от края до края земли железками. По этим железкам с диким воем неслось огромное чудовище. Но ему не было страшно. Самое страшное, что могло произойти, уже произошло. Резкий удар опрокинул его, и он почувствовал, как голова отделилась от туловища и покатилась вниз...

А в небе горели, угасая, огромные звезды, так похожие на глаза любимой. Да. Собачья штука – эта любовь.

Михаил Михайлович Шаповалов родился в 1957 году. Казахстанец в третьем поколении. Его предки приехали на эту землю в 1907 году. Организовали поселок Шаповаловка, который впоследствии был переименован в Буденовку, сейчас – Туймекент. Работал киномехаником, электриком, киповцем. Переквалифицировался в актеры. Служил в Джамбулском русском театре. Затем – режиссер народного театра ДКЖ, диктор и редактор на радио. Сейчас ведет свой канал на YouTube.

